

Да здравствует
демократическая республика!

ЦЕНА ОТД. № 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЬ

306
1917 N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 22

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

ИЮНЬ

СВОЕ ОТНОШЕНИЕ.

Рис. Ге-ми.

— Это я понимаю... Сколько бѣдному человѣку на цыгарки бумагъ-то навалили...

ЛЮБОВЬ И „КАПИТАЛЬ“.

САЛАТЪ ИЗЪ БУЛАВОКЪ.

Подлѣ водъ Невы широкой,
Свѣжей, словно новый китель,
Вмѣстѣ съ дочкой синеокой
Жиль съ женой своей учитель.

Полубилъ безумно дочь эту,
Меньшевикъ Иванъ Заплатовъ,
Съ разрѣшенія рабочихъ
И солдатскихъ депутатовъ.

Вся стройна, какъ юный стебель,
Вся свѣтла — товарищъ Валя!
Любы ей и Марксъ и Бебель,
Уважаетъ и Лассалю.

Съ книжкой, въ розовомъ нарядѣ,
Валечка милая принцессы...
Таяли при первомъ взглядѣ
Всѣ эсь-деки и энъ-эсы!

Меньшевикъ Заплатовъ тоже
Не избѣгъ сердечной драмы:
Полубилъ онъ дѣву — Боже!
Больше минимумъ-программы.

И открылъ ей чувство это,
Полный пламени пожарищъ:
— Съ разрѣшенія Комитета,
Обожаю васъ, товарищъ!

Вся зардѣвшись, меньшевичка
Поглядѣла благодарно
И пропѣла, словно птичка:
— Сердцемъ съ вами солидарна!..

Онъ пошелъ къ отцу любимой,
Чтобы во всемъ ему сознаться:
— Съ вашей дочерью родимой
Разрѣшите обвиняться?

Тотъ упалъ ему на шею,
Двѣ слезы смахнувши къ фалдамъ:
— Что жъ... въ приданое за нею
Я вамъ цѣлый «Капиталь» дамъ!

— Ка...питаль? — бормочетъ глухо,
Меньшевикъ блѣднѣя сразу, —
О, зачѣмъ, зачѣмъ ты въ ухо
Бухнулъ мнѣ такую фразу?!

... Онъ ушелъ съ душой больною,
Бросивъ прямо, ясно, чисто:
— Не могу своей женою
Слѣлать дочь капиталиста...

Вмѣсто счастья — грусть и горе, —
Злой финалъ вамъ изложу я:
Отъ отчаянія вскорѣ
Вышла Валя за буржуя.

Избѣгаетъ женщинъ прочихъ
Меньшевикъ Иванъ Заплатовъ,
Съ одобренія рабочихъ
И солдатскихъ депутатовъ...

О, Иванъ! Въ твоихъ привычкахъ
Мало мыслить при заботѣ:
«Капиталь» вѣдь былъ въ кавычкахъ
И въ потертомъ переплетѣ!

Доль.

I.

Логическій выводъ.

На одинъ митингъ, устроенный большевиками, явился скромный господинъ съ интеллигентнымъ пріятнымъ лицомъ и сдержанными манерами.

Это былъ я.

Когда я приблизился къ предсѣдателю митинга, онъ спросилъ меня:

— Чего вамъ?

— Хочу говорить. Запишите меня ораторомъ въ очередь.

— Хорошо. Какъ ваша фамилія?

— Викторъ Гюго.

Онъ былъ ошеломленъ.

— Что-о-о?!!

Я пріятно улыбнулся ему и твердо повторилъ:

— Моя фамилія — Викторъ Гюго.

— Но... вѣдь... Викторъ Гюго... давно уже умеръ.

— Развѣ? Какой ударъ. Впрочемъ, я что-то такое слышалъ объ этомъ. Да-а... Не живутъ на свѣтѣ талантливые люди.

— Какъ же васъ записать?

— Викторъ Гюго.

Предсѣдатель съ расширенными отъ удивленія глазами и суевѣрнымъ ужасомъ на лицѣ всгалъ и дрожащимъ голосомъ обратился къ аудиторіи:

— Товарищи! Происходитъ что-то странное: явился человекъ и говоритъ, что его зовутъ Викторъ Гюго.

Сотни глазъ впились въ меня и вдругъ среди тишины прозвучалъ чей-то голосъ:

— Да позвольте: я его знаю. Это — Аркадій Аверченко.

Предсѣдатель бросилъ на меня взглядъ, полный упрека:

— Какъ же вы говорите, что вы — Викторъ Гюго, когда васъ зовутъ Аркадій Аверченко?

— О, могильные черви! — завопилъ я. — У васъ не хватаетъ даже крохотнаго, микроскопическаго мужества — быть справедливымъ!! Если вашъ Бронштейнъ называетъ себя Троцкимъ, Андельбаумъ — Зиновьевымъ, Розенфельдъ — Каменевымъ, Нахамкесъ — Стекловымъ, Гиммеръ — Сухановымъ, Гольдманъ — Горевымъ, Гольденбергъ — Мѣшковскимъ и Лурье — Лезинымъ, если всѣ вы измѣнили свои нѣмецкія фамиліи на русскія, то почему же мнѣ не измѣнить свою малороссійскую фамилію на французскую!? Только вкуса-то у меня будетъ побольше, чѣмъ у васъ!! Викторъ Гюго!! Развѣ плохо?

Я пожалъ плечами и повернулся, чтобы уйти... И услышалъ за своей спиной:

— Мѣняетъ фамилію... Гм! Навѣрное, провокаторъ.

Трудно быть справедливымъ въ революціонной Россіи.

II.

Уничтоженіе классовыхъ перегородокъ.

— Здравствуйте, голубушка. Вы кто?

— А я горничная новая. Вы вѣдь публиковали.

— Какъ же, какъ же... Присядьте. Наши условія вотъ какія...

— Можетъ быть, вы раньше выслушали бы мои условія?..

— Сдѣлайте одолженіе.
 — Вотъ: жалованья — 120 рублей въ мѣсяцъ, служба отъ 9 до 5 часовъ, отдѣльная комната, пища ваша, праздники свободные, ежегодно мѣсячный отпускъ, наградныя на Рождество и Пасху. Нравятся вамъ эти условія?
 — Очень.
 — Подходятъ?
 — Очень подходят. Я отъ нихъ въ восторгѣ.
 — Ну, вотъ и хорошо.
 — Я отъ нихъ настолько въ восторгѣ, что хочу даже предложить вамъ одну комбинацію.
 — Ну-съ?
 — Не возьмете ли вы меня въ горничныя на этихъ условіяхъ?
 — То-есть?!!
 — Сдѣлаемъ обратное: вы переходите въ барыни, а я съ удовольствіемъ поступлю къ вамъ на вашихъ же условіяхъ — въ горничныя.

III.

Сознательные граждане.

Шесть русскихъ гражданъ явились въ ресторанъ поужинать.

Просмотрѣвъ карточку, одинъ изъ компаніи предложилъ:

— Въ меню есть цѣлое сѣдло молодого барашка. Давайте закажемъ на всѣхъ цѣлое сѣдло.

Другой изъ компаніи поморщился:

— Ну, какая теперь баранина! Черствый сухарь съ сальнымъ запахомъ. Давайте закажемъ лучше на всѣхъ цѣлаго гуся.

— Гуся? Да что вы, батенька! Вѣдь гуси мороженые!!

— Въ июнь-то?

— И очень просто. Изъ холодильниковъ. А сѣдло барашка...

— Къ чорту ваше сѣдло! Вы бы еще подругу предложили.

— Вы думаете это очень остроумно?..

— Во всякомъ случаѣ остроумнѣе, чѣмъ...

— Ну, поѣхали! Господа! Я предлагаю поставить вопросъ о сѣдлѣ или гусѣ на голосованіе. Кто за сѣдло — поднимите руку!

— Идетъ... Извольте... Получается — три руки за сѣдло, три — за гуся!..

— Голоса разбились! Давайте выберемъ предсѣдателя и посчитаемъ его голосъ за два. Я предлагаю выбрать Кумекина.

— Ишь ты, ловкій какой. Они оба съ Кумекинымъ за сѣдло, такъ онъ предлагаетъ Кумекина, чтобы имѣть перевѣсъ за сѣдло. А я предлагаю Чертобатькова...

— Гусевика-то? Не менѣе ловко. Нѣтъ ужъ, если по справедливости — предлагаю выбрать предсѣдателя закрытой баллотирской.

— Принимаю! Но только имѣю заявленіе по вопросу голосованія...

— Ну-съ?

— Считаю, что пренія еще недостаточно освѣтили то или иное содержаніе нашего ужина, и поэтому предлагаю пренія продолжать...

— А я предлагаю выдѣлить изъ нашей среды комиссію и командировать ее для ознакомленія на мѣстѣ, на кухню, съ качествомъ, какъ гуся, такъ и сѣдла.

— Да, но если въ комиссію попадетъ большинство гусевиковъ — они будутъ тянуть въ свою сторону и провалятъ сѣдлистовъ...

— Ну такъ пусть въ комиссіи будутъ равномерно представлены гусевики и сѣдлисты.

— Но вѣдь тогда опять голоса разобьются.
 — Прошу слова! Господинъ предсѣдатель...
 — Какой предсѣдатель? У насъ нѣтъ предсѣдателя.
 — Такъ выберемъ! Закрытой баллотировкой. Вотъ вамъ бумажки — пишите же...

— Итакъ, господа, большинство получилъ Чертобатьковъ.

— Гусевикъ! Долой его!

— Позвольте, господа! Въ виду того, что при голосованіи были допущены правонарушенія...

— Прошу слова!

— И я! Меня запишите за нимъ.

— И я прошу слова... А вотъ идетъ официантъ... Онъ хочетъ что-то сказать... Вы тоже просите слова, товарищъ ресторанный служащій...

— Да... я...

— Господа! Предлагаю предоставить слово товарищу ресторанному служащему внѣ очереди.

— Съ какой стати! Пусть запишется!

— Поставимъ на голосованіе!

— Говорите, товарищъ ресторанный служащій!

— Слушаемъ, слушаемъ! Bravo!

— Я... я только хочу сказать, что ресторанъ сейчасъ закрывается, и вы...

— Позвольте, товарищъ! Мы ѣсть хотимъ...

— Надо было заказывать раньше. Кухню только сейчасъ закрыли.

— А все гусевики, чортъ бы ихъ дралъ...

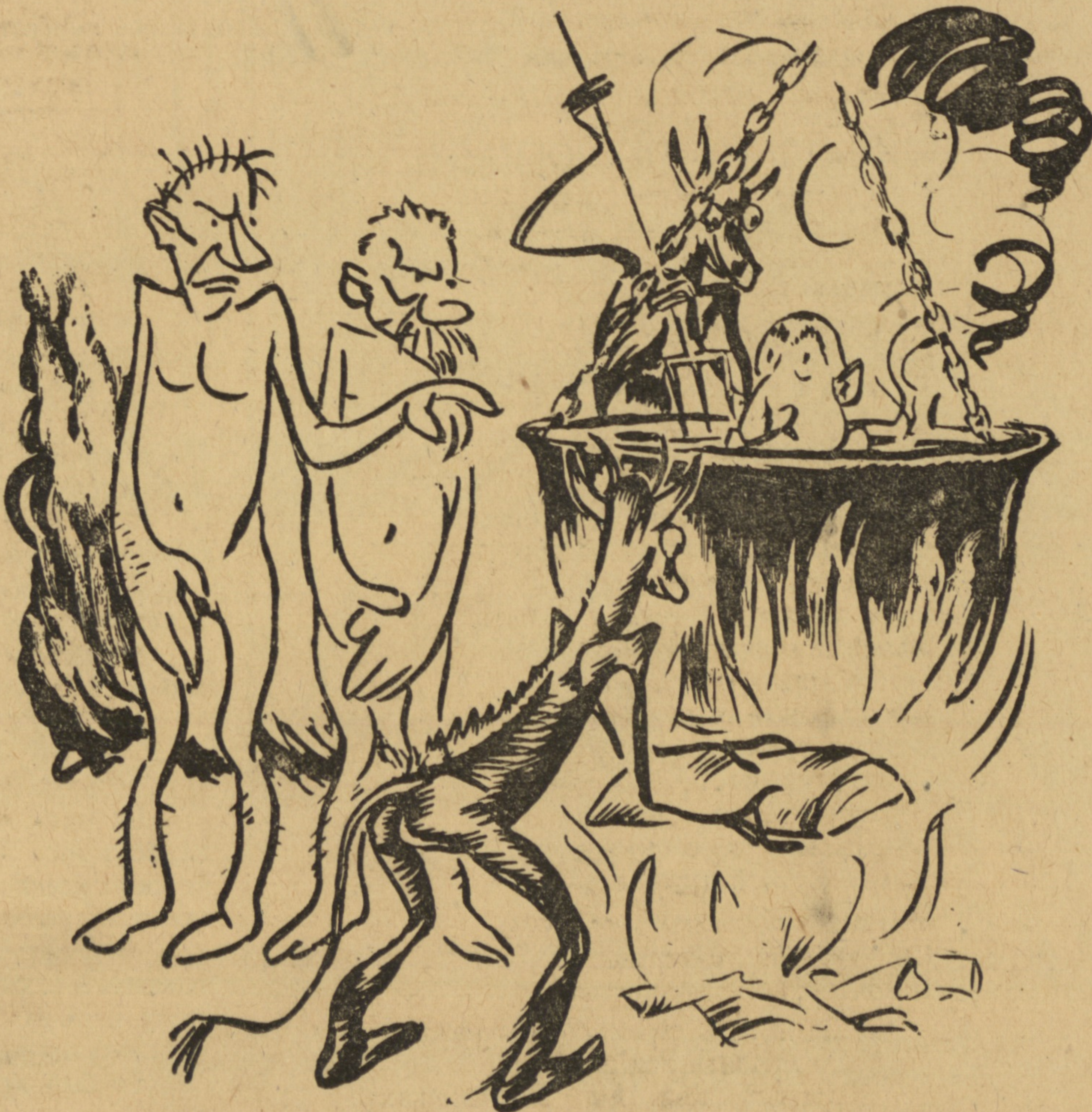
— И вы, сѣдлисты, тоже хороши. Вотъ и иди домой не солоно хлебавши.

Много, очень много у насъ говорятъ. Такъ много, что, боюсь я, останется Россія, въ концѣ концовъ, и безъ сѣдла и безъ гуся...

Аркадій Аверченко.

КЛАССОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Рис. Н. Радлова.

Душа пролетарія: — Ишь ты, буржуй въ котлѣ кипитъ...

— А почему думаешь, что буржуй?

— А какъ же — въ котелкѣ и при цѣпочкѣ...

ЛОЙЛЯЛЬНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

Шейдеманъ: — Товарищи! Я предлагаю выразить сочувствіе императору Германіи по поводу того, что несчастный Вильгельмъ Либкнехтъ до сихъ поръ еще томится въ тюрьмѣ...

СВОБОДНЫЙ ПЕТРОГРАДЪ.

Уроды.

На нарядной панели,
 На солнечно-пестрыхъ углахъ
 Гнѣющіе люди сѣли
 Разсказать о своихъ дѣлахъ...
 Уроды, слѣпцы и калѣки —
 (Выборъ столичный строгъ) —
 У этого выворочены вѣки,
 Тотъ съ горбомъ, этотъ безъ ногъ...
 Дѣвочка съ рахитичными ногами,
 Мальчикъ съ заячьей губой
 Слили въ одной гаммѣ,
 Въ насмѣшку надъ весной голубой.
 Ползають, причитають и воють,
 Кривягъ жадные рты.
 Радостную, зеленую хвою
 Слюнявятъ кроты...
 По утрамъ кто эти трупы
 Развозить изъ каменныхъ норъ?
 Кто этой жуткой трупы
 Развязный антрепренеръ?...
 Что хочетъ онъ отъ дѣвушекъ въ платьяхъ
 Цвѣта вечернихъ розъ,
 Что ищетъ онъ въ распятыяхъ
 Ихъ любовныхъ презъ,
 Въ нашихъ знойныхъ думахъ,
 Смятыхъ визгомъ кликушъ?
 Подъ мертвымъ солнцемъ въ упрямыхъ
 Домахъ страшна сушь!

Сергѣй Михѣевъ.

КРИЗИСЪ.

Министръ устало взялъ телефонную трубку.
 — Алло.
 — Это кто говоритъ? Министръ? Слушайте, министр...
 Дѣло видите, какъ говорится, пистолетное...
 — Не понимаю! Что вамъ угодно!
 — А такъ, что мы рѣшили вамъ въ отставку выйти.
 По телефону. Группа А, «готово», и кончено! Примите теле-
 фонограмму и пожалуйста въ отставку...
 — А съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? Кто соб-
 ственно говоря, рѣшилъ?
 — Я говорю. Товарищъ председателя районнаго союза
 домашней прислуги Выборгской части.
 Министръ устало повѣсилъ трубку. За сегодняшній день
 это былъ двадцать восьмой звонокъ...

Не имѣя возможности разговаривать по телефону изъ-
 за болѣзни, военный министръ получать ежедневную
 корреспонденцію. Усталый и больной, министръ автоматиче-
 ски вскрывалъ конверты и прочитывалъ письма...
 «Старикъ! Мы, банщики нижегородскихъ банъ, въ
 пленарномъ своемъ кворумѣ предлагаемъ по нашему бан-
 ному нарѣчію — извольте вамъ подѣ душь. Подавайте въ
 отставку».
 Грубый конвертъ смѣнился надушенной розовой бума-
 гой.
 «Приѣзжая блондинка, очень строгая, по желан. мас-
 сажъ, жесток., проситъ одолжить двадцать пять рублей. Раз-
 ѣзжая, 18, входъ подъ аркой. Въ случаѣ отказа вы немед-
 ленно подадите въ отставку. Блондинка».

РАБОТА НА ОДНОЙ ПЛАТФОРМѢ.

„У супруги извѣстнаго политическаго дѣятеля Нахамкеса имѣется institut de beauté“.

(Изъ газетъ.)

Рис. Ре-ми.

М-ме Нахамкесъ трудится надъ головами буржукъ.

Г-нъ Нахамкесъ трудится надъ головами буржуевъ.

Третье письмо было написано четкимъ крупнымъ почеркомъ дѣловаго человѣка.

«Милостивый Государь! Республика или монархія, социализмъ или империализмъ, съ аннексіями или безъ оныхъ, все равно каждому уважающему себя джентльмену необходимы подтяжки «Марсъ». Въ связи съ извѣстіями о вашей неминуемой отставкѣ, нашъ торговый домъ имѣетъ честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и приложить при семъ два образца нашихъ товаровъ. Съ почтеніемъ Леопольдъ Глобусъ. Копировано».

Министръ вскрылъ еще одно письмо:

«Товарищъ, потому вы насчетъ аннексіи и буржуазіи балуете, то просимъ васъ выйти въ отставку, а также выдать намъ слѣдующія чаевыя на праздникъ Пасхи. Инициативная группа полоторовъ».

Министръ бросилъ письмо въ корзину и устало взрѣзалъ слѣдующій конвертъ. И дѣло еще очень много.

Министръ принималъ уполномоченныхъ отъ съѣздовъ. Беседа касалась весьма важныхъ вопросовъ и имѣла огромное значеніе для всей конъюнктуры политическаго дня. Раздался стукъ въ дверь, и, отбросивъ дежурнаго курьера, въ кабинетъ ворвался возбужденный господинъ, съ веселыми глазами и дымящейся сигарой.

— Послушайте! Вѣдь это ни на что не похоже! Я прочиталъ сегодня въ газетѣ, что министровъ можно смѣнить по телефону... Зашелъ въ Пассажъ, сунулъ гривенникъ кассиршѣ, нажалъ кнопку, и въ отставку... Но позвольте, это подвохъ! Это козни англичанъ!

— Въ чемъ дѣло? — растерянно пробормоталъ министръ.

— Позвольте! Я протестую!.. У васъ сегодня цѣлый день трубка снята съ телефона... Вы не имѣете права. Если вы снимаете трубку съ телефона, то значитъ къ вамъ и позвонить нельзя. А разъ позвонить нельзя, значитъ и въ отставку удалить нельзя. Этотъ номеръ не пройдетъ...

Веселый господинъ раскисъ, глаза его помутнѣли, и онъ безпомощно опустился въ кресло.

— Нѣтъ, знаете... Не хорошо все это... Ну что жъ. Выпили мы, закусили, все по-хорошему, а потомъ Петя и говоритъ мнѣ: «Надо, знаешь, послѣ обѣда что-нибудь такое веселенькое сдѣлать». Я вношу предложеніе — цыгане. Не хочетъ Петя! Я предлагаю къ Маріи Ивановнѣ поѣхать. Отвергаетъ, каналья! «Нѣтъ, говоритъ мнѣ, поиди ты въ телефонную будку и заключи сепаратный миръ безъ аннексіи и контрибуцій и съ оными». Я взмолился: «Петя, говорю, товарищъ, я же не дипломатъ, чтобы миръ заключать!» Слушать не хочетъ, подлець!.. «Ступай къ телефону, звони буржуазному министру и скажи, чтобы шагомъ маршъ въ отставку...» Такъ ужъ вы какъ-нибудь устройте...

Неизвѣстный уныло мялъ свой котелокъ.

— Сдѣлайте милость! Иначе мнѣ возвращаться нельзя. Пожалуйста... Ну вы хоть какъ-нибудь, такъ, не настоящему. Подайте въ отставку, ну, а я отставки не приму.

Когда курьеры выводили этого человѣка, онъ билъ себя кулаками въ грудь, плакалъ и повторялъ:

— Я же по-хорошему... Выпили, закусили... Петя говоритъ мнѣ — министра въ отставку... Я не виноватъ. Телефонъ не дѣйствуетъ. Пріѣхалъ, а онъ не хочетъ...

Посолъ союзной державы въ тотъ же день посылалъ шифрованную депешу.

«Послѣднія событія въ Петроградѣ произвели большое смятеніе умовъ. Къ министрамъ являются взволнованные праждане и со слезами на глазахъ рассказываютъ о провокаціонныхъ подговорахъ какого-то «Пети». Полагаю, что это кто-либо изъ членовъ династіи. Циркулярно сообщилъ въ Лондонъ, Парижъ. На улицахъ спокойно. Подписалъ».

КАЗАНЬ. Инициативная группа воспитанниковъ приготовительнаго класса, устройвъ митингъ на большой переѣздѣ, категорически требуетъ отставки буржуазнаго министра, нарушающаго демократическіе принципы обновленной Россіи. ПТА.

КИЕВЪ. Посѣтители и официанты загороднаго ресторана «Райскій уголокъ», протестуя вообще, а также противъ буржуазнаго правительства, пьютъ здоровье министровъ и предлагаютъ имъ выйти отставку. ПТА.

Бор. Мирскій.

ИЗЪ НОВАГО ДѢЛОВОГО ПИСЬМОВНИКА.

(Пособіе для обществ. дѣятеля.)

Повѣстки.

— Центральный комитетъ партіи Народной Свободы, извѣщая васъ о гибели Россіи, проситъ пожаловать на концертъ-митингъ съ участіемъ лучшихъ силъ балета, а такъ же министровъ.

— Интернаціональная группа учащейся молодежи Парголова II-го по организациіи мѣстной республики симъ увѣдомляетъ васъ объ открытіи парламента и устройствѣ музыкальнаго вечера. Дѣти платятъ половину.

Комиссія подрайонной группы уѣздныхъ дезертировъ доводитъ до вашего свѣдѣнія, что открытіе клуба группы состоится въ четвергъ, въ 8 часовъ вечера въ помещеніи городской управы. Дамы по пятницамъ.

Засѣданіе И. К. П. С. О. М. Ф. Х. Ц. Ч. У. Ф. Ы. Я. состоится въ среду. Просятъ придти всѣхъ.

Организаторы шествія умѣренныхъ республиканцевъ «Монархія и Свобода» предупреждаютъ о взносѣ, причитающемся съ васъ на организацию постояннаго состава шествія.

Визитныя карточки.

Никодимъ Григорьевичъ Ипасовъ.

Бывш. домовой уполномоченный.

Сергѣй Сѣкуцкій.

Землемѣръ-интернаціоналистъ.

Тел. 144-87. На службѣ — 181-23.

Агафья Егоровна Ханугина.

Вдова президента Елабужской респ.

— Яковъ Соломоновичъ Любчикъ.

Депутатъ отъ духовенства Симб. губ.

Адреса.

Новгородъ. Улица Братанія (бывш. Кошачій переулочъ).

Бывш. вице-губернатору Харьянину
для гражданки Агаши.

(Со вложеніемъ 8 рублей на гостинцы).

Дѣйств. армія. Западный фронтъ. Седьмая армія.

Товарищу главнокомандующему.

Рязанская губернія, Малахаевскій уѣздъ, Цикинская волость, хуторъ Примятое:

Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ.

Поздравленія.

— Съ днемъ товарища ангела.

— Съ гражданиномъ покойнымъ дядей.

— Съ группой сознательныхъ новорожденныхъ.

— Профессиональный союзъ служащихъ въ учрежденіяхъ мелкаго кредита поздравляетъ васъ, гражданинъ, съ юбилеемъ пятилѣтней литературной дѣятельности на посту разъѣздного агитатора «Займа Свободы».

— Дѣятелю великой эпохи переосвидѣтельствованія бюллетениковъ, наше поздравленіе. Современники.

Письма полудѣловаго характера.

— Иванъ Анисимовичъ! Не все надо откладывать до Учредительнаго Собранія. Мои сорокъ рублей — это вамъ не социализация земли. Жду ихъ завтра къ шести.

Бирковъ, сахаровладѣлецъ.

— Милая Марія Степановна! Пріѣзжайте на дачу. У насъ три комнаты, ванна и собственный большевикъ Иванъ Антоновичъ. Будетъ очень весело. Комаровъ и кадетъ нѣтъ. Дачей очень довольна.

— Разыщите на вечеръ тапера, который бы зналъ Марсельезу. Молодежь хочетъ танцевать кадрили.

Письма характера интимнаго.

Бывш. Милостивая государыня! Я настаиваю на опубликованіи вашихъ тайныхъ договоровъ съ нѣкимъ Петровымъ, который уже вторую недѣлю самоопредѣляется у васъ, когда

28 Февраля 1917 года.

21 Апрелья 1917 года.

Теперь...

нѣтъ вашего мужа. Вашъ недавній абсентеизмъ при нашей встрѣчѣ сразу выяснилъ ваши намѣренія. Ваше замѣчаніе, что я аннексировалъ Вареньку — буржуазный вымыселъ. Перестаньте же брататься съ Петровымъ, я приму крайнія мѣры. Во мнѣ говоритъ уже не горячее сердце, а автономный холодный разсудокъ со всѣми правами и преимуществами. Позоръ!

— Немедленно займи купэ и объяви его республикой. Если будутъ нѣтъ пассажиры, объяви референдумъ среди нихъ же. Во время споровъ успѣемъ доѣхать.

Стихи въ альбомъ.

Незабудку голубую
Ангель съ неба уронилъ,
Чтобы группу сталелитейщиковъ мѣстнаго района
дорогую

Я на вѣки не забудь.

Вы прекрасны словно роза,
Только разница одна:
Роза вянетъ отъ мороза,
А домовою комитетъ, въ лицѣ васъ — никогда!

Арк. Буховъ.

ВЕНЕРА КЕРЕНАЙКА.

Венера Анадіомена,
Статуя, живѣе цвѣтка.
Ее изъ тумана и пѣны
Эгейскій ваятель соткалъ.

И что же, что въ узкой траншеѣ
Бездушный ударъ молотка
Разбилъ ея профилъ и шею,
Какъ вѣнчикъ на стеблѣ цвѣтка.

Пускай голова не найдется!
И все же Венера права...
И тѣло такъ звонко смѣется
Падъ тѣмъ, у кого голова.

Ник. Вечорикъ.

НОВОБРАНЦА ПРОВОЖАЮТЪ.

(Патріотическая картина для народа.)

„Какъ бы въ противовѣсъ дезертирству изъ арміи, въ тылу образовался особый женскій полкъ, который на-дняхъ выступитъ на фронтъ“.

(Изъ газеты.)

Дезертиръ: — Матушка ты моя, кормилица.. На кого ты меня, ратника второго ополченія, покидаешь...

Доброволица: — Не плачь, Микита, не надрывай, мово сердца... Ужъ какъ-нибудь одинъ по мужскому дѣлу справишься. Доля ужъ у васъ такая...

НЕОБХОДИМАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ.

Сербскій полковникъ: — Поручикъ, пошлите въ Петроградъ историческую справку, что Сербія до 1915 года все время принадлежала сербамъ...

— Зачѣмъ господинъ полковникъ?

— Да мы вчера одну свою деревушку отбили: Боюсь какъ бы насъ не обвинили въ захватныхъ стремленіяхъ...

Н У, Ч Т О, К А К Ъ?

Раздался телефонный звонокъ.

— Алло!

— Здравствуйте. Не узнаете?.. Владимиръ Петровичъ.

— Здравствуйте, Владимиръ Петровичъ!

— Ну что, какъ?

— Да такъ, спасибо, по-немножку.

— Я о положеніи. Вы вѣдь ближе стоите къ нимъ, къ демократическимъ сферамъ, чѣмъ мы.

— Газеты вѣдь читаете, Владимиръ Петровичъ.

— Да что тамъ газеты! Всѣ почти газеты читаю. Прочтешь одну газету — волосы дыбомъ стануть, прочтешь другую — успокоишься, прочтешь третью — опять волосы дыбомъ!

— Такъ они у васъ ходуномъ и ходятъ?..

— Ходятъ, милый, ходятъ!

— Ну, это не страшно!

— Вы думаете?

— Конечно, вы же, — насколько мнѣ помнится — лысы.

— Вы вѣчно шутите!.. Я васъ серьезно спрашиваю: куда мы идемъ?!

— Черезъ демократическую республику въ царство социализма.

— Счастливаго пути вамъ, только нельзя ли обойти мое имѣніе?

— А оно гдѣ?

— Въ черноземной полосѣ.

— Нѣ-ѣтъ, батенька, нельзя! Вотъ, если бы оно было въ пустынь Сахарѣ... а то въ черноземной полосѣ!.. Да вы не безпокойтесь, Владимиръ Петровичъ, земля ваша гулять подъ паромъ безъ нужды не будетъ... и соковъ изъ нея выжимать не будутъ... великолѣпно обработаютъ!..

Онъ, не простившись, повѣсилъ трубку.

Спустя два дня онъ пришелъ:

— Ну, что, какъ?

— Хорошо, будетъ еще лучше!

— Анархія! Читали: Мценскъ, Самара...

— Если весь организмъ въ лихорадкѣ, то можетъ быть и мѣстный воспалительный процессъ...

— Онъ распространится по всему организму!

— Задача власти локализовать процессъ.

— Знаете, я пришелъ къ убѣжденію, что мы еще не доросли до такой свободы...

— А мнѣ кажется, — переросли: она могла быть и въ 1905 году и даже раньше.

— Поймите же, милый, развѣ можно выпустить сразу на полный, яркій, солнечный свѣтъ человѣка, просидѣвшаго въ темномъ подземельѣ цѣлые годы?

— Можно, не ослѣпнетъ!.. Предоставьте ему самому защиту его зрѣнія. Повѣрьте, онъ либо прикроетъ глаза собственной ладонью, либо сожмуритъ ихъ на минуту... Если человѣкъ просидѣлъ въ подземельѣ, въ промозгломъ, скверномъ воздухѣ, то по-вашему такого человѣка нельзя сразу выпустить на свѣжій, чистый воздухъ, а нужно пред-

ПЛОХОЙ ПРИЗНАКЪ.

„Кронштатцы потребовали, чтобы къ нимъ привезли бывш. царя“.

(Изъ газетъ.)

Рис. Н. Радлова.

— А недолго, товарищъ, у васъ республика-то будетъ...
— Это еще почему?
— Да какъ-же: на второмъ мѣсяцѣ царя потребовали...

варительно поддержать его въ полусвѣжѣмъ, лучистомъ воздухѣ?.. Не безпокойтесь, легкія выдержатъ!

Онъ задумался. Вздохнулъ и, глядя мимо меня, спросить:

— А какъ вы думаете: Учредительное Собрание отниметъ у насъ землю?

— Да, оно обявитъ всю землю собственностью всего народа...

— Это ужасно!.. Я такъ привыкъ къ своей землѣ: каждое первое число я аккуратно получалъ отъ своего управляющаго крупную сумму...

Я улыбнулся. Онъ вспыхнулъ:

— Да, я привыкъ къ ней, я люблю матушку-землю, какъ свою кормилицу, не меньше вашего мужика!

— Положимъ! вы ее своимъ потомъ не орошали, вы за ней не ухаживали, какъ любящій сынъ... Вы не смотрѣли на небо съ тревогой: не пошелъ бы не во-время дождь, не засушило бы солнышко... Можетъ быть, вы и переживали тревогу... когда управляющій не столь аккуратно посылалъ вамъ деньги.

Онъ быстрымъ движеніемъ вскочилъ, сунулъ мнѣ быстро и молча на прощанье руку и выбѣжалъ.

Больше я его не видѣлъ.

Исидоръ Гуревичъ.

РОССІЯ.

Едва повергнувшая Змія,
Свою презрѣвшая зарю,
Я въ первый разъ тебя, Россія,
И заклинаю и корю.

Ужели такъ послушна страху,
Что неповинная ни въ чемъ
Ты клонишь голову на плаху
Предъ иноземнымъ палачемъ!

Иль сказка — поле Куликово
И гордый день Бородина,
Твое что камень было слово,
Ты что огонь была сильна.

Тебя измѣны не бороли,
Язвя, тебя не гнула плеть,
Ты буйно плѣла пѣсни воли,
Теперь и ихъ не смѣешь пѣть.

Гдѣ одолѣнье грозное?
Твою жарь-птицу кто унесъ?
Тебѣ пристало быть, какъ воетъ,
Паскудный и побитый песъ.

Тебѣ присталь ошейникъ узкій,
И на задворкахъ конюра.
Стыжусь сказать теперь: «я русскій»,
И жаль, что русскимъ былъ вчера.

Горю и гнѣвомъ и тоскою
Во имя древнихъ славныхъ съчъ.
Умри, иль ярою рукою
За волю вновь исторгни мечъ.

Александръ Рославлевъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Сегодня позвонили по телефону, разбудили и предупредили, что Россія гибнетъ. Должно быть, къ вечеру не раньше, потому что Петя и Марья Степановна, предупредившіе объ этомъ, сказали, что днемъ ѣдутъ подыскивать дачу.

Всталъ, умылся, сложилъ вещи, написалъ нѣсколько записокъ и ѣду.

Опять позвонили:

— Погибла. Подробности въ вечернихъ газетахъ.

Читалъ. Дѣйствительно, кажется, погибла. Нужно будетъ завтра утромъ спросить у домового уполномоченнаго, подѣчимъ мы теперь подданствомъ. Онъ выписываетъ «Рѣчь» и поэтому знаетъ все. Зашелъ къ нему; познакомился съ гувернанткой-француженкой. Изъ уваженія къ договорамъ съ союзниками пришлось называть ее: доблестной. Немного не плохо выходитъ:

— Доблестная мадемуазель Вертю, но зато лойяльно.

Я вообще человекъ лойяльный и даже въ февральскіи дни, когда совершалась революція, очистилъ свою квартиру отъ постороннихъ и нѣсколько разъ крикнулъ въ ванной:

— Долой его императорское величество Николая II!

Домовой уполномоченный подтвердилъ Петины опасенія: Россія погибла; повсюду вводится кронштадтскій языкъ, его же будутъ преподавать въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вести на немъ итальянскую бухгалтерію.

Совершилъ громадную нетактичность. Обратился къ извозчику на вы. Проходившій мимо знакомый по клубу сурово заворчалъ, рѣзко обернулся и пошелъ за мной. Не замѣтивъ этого, купилъ социалистическую газету на углу.

— Какой позоръ, — прошипѣлъ знакомый, — такъ рабски подлизываться передъ демократіей...

Долго спорилъ я. Разстался съ тяжелымъ осадкомъ на душѣ. Какъ надо называть товарища министра? Назвать его товарищемъ министра—подлизыванье. Называть господиномъ министра — неправильно. Ночью придумалъ:

— Нѣкто, около министра.

Отказали отъ дома Ивахины. У нихъ дядя въ кадетскомъ спискѣ, а я мимо географической карты прошелъ и не поклонился Дарданелламъ.

— Вы еще на мою кровать плюнете. Прощайте.

Ушелъ. Зато дома долго-долго раскланивался предъ Гибралтаромъ. Правда, онъ въ рукахъ у англичанъ и закрытъ для другихъ замковъ той же конструкціи, что и Дарданеллы, но все-таки проливъ. А проливъ уваженія требуетъ. Не сабака.

Получилъ письмо отъ бывшаго сослуживца. Мнѣ, пишетъ, дай власть, какую бы я понималъ. Раньше было ясно:

— Городовой.

И отъ какихъ словъ происходитъ понятно: городъ и вой. Можетъ и деревня выла, но это только подразумевается.

А теперь ничего не понимаю:

— И. К. С. Р. и С. Д.

— Хорошо, пишетъ, если это только инициалы, а настоящая фамилія — Романовъ, а если нѣтъ — тогда что?

Пошелъ въ комиссаріатъ. Тамъ не знаютъ. Дополнительную карточку на хлѣбъ это мы можемъ — все равно хлѣба нѣтъ, а насчетъ власти это не къ намъ надо.

Слава Богу, сегодня узналъ изъ двухъ утреннихъ и одной вечерней, что все подкуплено. По крайней мѣрѣ не надо думать ни надъ чѣмъ. Ленину посылаютъ изъ Франкфурта, Зиновьеву изъ Кельна, хлѣбнымъ очередямъ изъ Штутгарта, дезертирамъ изъ Берлина.

Сегодня же встрѣтилъ бывшаго квартиранта.

— Говорятъ, что война скоро кончится. Больше одиннадцати лѣтъ воевать не будемъ. Надоѣло что-то.

Догадался сразу, изъ какихъ источниковъ это. Побѣжалъ къ его швейцару и разспросилъ, откуда присылаютъ ему деньги. Оказалось, что изъ Нижегородской губерніи. Неужели и тамъ? ..

Маленькій просвѣтъ. Подлизыванье къ демократіи осуждено и осуждено официально. Старо-Тупинскій 237 полкъ потребовалъ привлеченія въ армию всѣхъ. Теперь принято выражаться: всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ. Министерство подтвердило. Спасибо, что бухгалтеровъ и шорниковъ оставили. Шорникъ — это для поддержанія культуры Россіи. Прекрасно придумано.

Катя отказалась ѣхать въ театръ. Разногласія по аграрному вопросу жуткая вещь. Зачѣмъ только я началъ ...

— Я, — говоритъ, — не отрицаю, что у крестьянъ земли мало, но какъ же это, если вдругъ у Анисима Сергѣевича землю отнимутъ? Онъ же ничего, кромѣ этого дѣлать не умѣетъ.

Надо было влѣзть въ споръ... Теперь-то я понимаю, что если война лѣтъ 17—20 протянется, такъ землю только между дворовыми кошками дѣлить придется. Тогда не догадался.

Ага, наша взяла. Россія-то побнеть... Есть, конечно, предатели и нѣмецкіе шпіоны, которые увѣряютъ, что вѣрятъ въ нее и надѣются, что все перемелется, да я-то теперь знаю, на чьи они деньги вѣрятъ... И почему только не привлекаютъ этихъ людей: среди бѣлаго дня заявляютъ, что Россія — не побила... Вотъ тебѣ и свобода слова...

Съ подлиннымъ вѣрно:

Л. Аркадскій.

ОБОРОТЕНЬ.

Мы вѣрили, знали, посмѣли,
И древняя пала тюрьма;
Счастливымъ румянцемъ зардѣлись
Одежды, ворота, дома.
Измѣнникамъ—должная кара;
Россія, ликуя, цвѣтетъ...
Но мало ли нечести старой
И нынче таится и ждетъ!
Таится... пора не приспѣла...
Является спящимъ въ бреду...
И правитъ лукавое дѣло,

На Родину кличетъ бѣду.
Прикинется странницей ловкой,
Зашепчетъ: «Ой, плохо! Не зря
Видѣніе было въ Соловкахъ —
Народу не жить безъ царя».
Метнется въ поля, за сугробы,
Зоветь: «Выходи, мужики,
Избыть вѣковѣчную злобу,
Пустить по Руси огоньки».
Въ казармѣ, въ подвалѣ, въ гостиной
Пророчить разгромъ и позоръ,
И страшную ткеть паутину,
Хихикая, сѣетъ раздоръ.
Все чаще пустое витійство
Туманитъ растерянный взглядъ,
И призраки братоубійства
Встаютъ, обступаютъ, тѣснятъ!
Смущаются люди, не зная,
Разсвѣтъ или тьма впереди...
Сгинь, юркая, нечисть ночная,
Не радуйся! Сгинь, пропади!

Владиміръ Пруссакъ.

Рис. В. Лебедева.

В Е З Д Ъ.

— Что это вы, Петенька, неласковой такой... я вамъ и квартирку обставила и въ деньгахъ не отказываю...
— Между трудомъ и капиталомъ, красавица, вездѣ теперь отношенія-съ обострились...

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ.

Одна молитва здѣсь, — живущее, ликуй!
Здѣсь радость свой бокаль виномъ блаженства пѣнить!
Здѣсь солнечныхъ лучей язвѣщій поцѣлуй
Открывъ всѣ тайны, — тайной все одѣнетъ.

О, солнце! твой чертогъ рабъ изощренныхъ модъ
Не осквернить. Твоимъ лучемъ ужаленъ,
Отъ ярости твоей подъ душный сумракъ спаленъ
Онъ навсегда уйдетъ!

Ты, солнце, превратишь въ пылающій коралль
Уста, открытыя для изступленной ласки...
И уничтожишь вмигъ стыдливости указки
Для тѣхъ, кто свѣтъ твой ждалъ.

П О Х О Р О Н Ы.

Предъ грознымъ ликомъ Божьей мести
 День былъ безпечень, свѣтель, простъ,
 Средь пыльной зелени предмѣстий
 Легла дорога на погость.

Рѣзвились мальчишки, какъ черти,
 Дробя ногами лужъ стекло.
 И стройный хоръ о мрачной смерти
 Звенѣлъ привѣтливо-свѣтло.

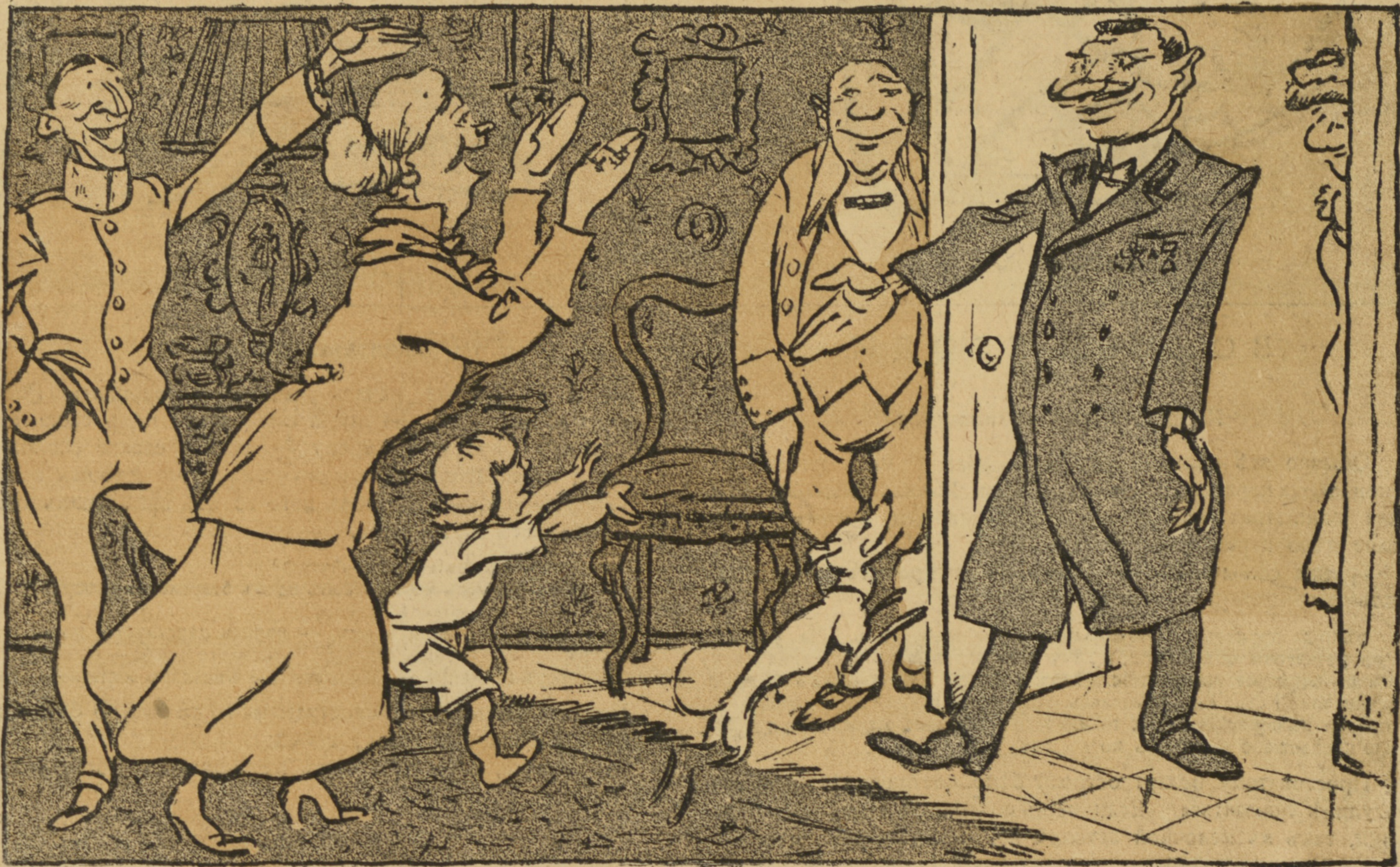
Въ лучахъ алѣли пѣвчихъ канты.
 Уставъ медлительно идти,
 Лихой припрыжкой музыканты
 Пугали галокъ по пути.

Какъ парь, клубился цвѣтъ надъ вишней.
 Звенѣли зяблики въ листьѣ.
 И лишь мертвецъ скучалъ, какъ лишній,
 На этомъ свѣтломъ торжествѣ.

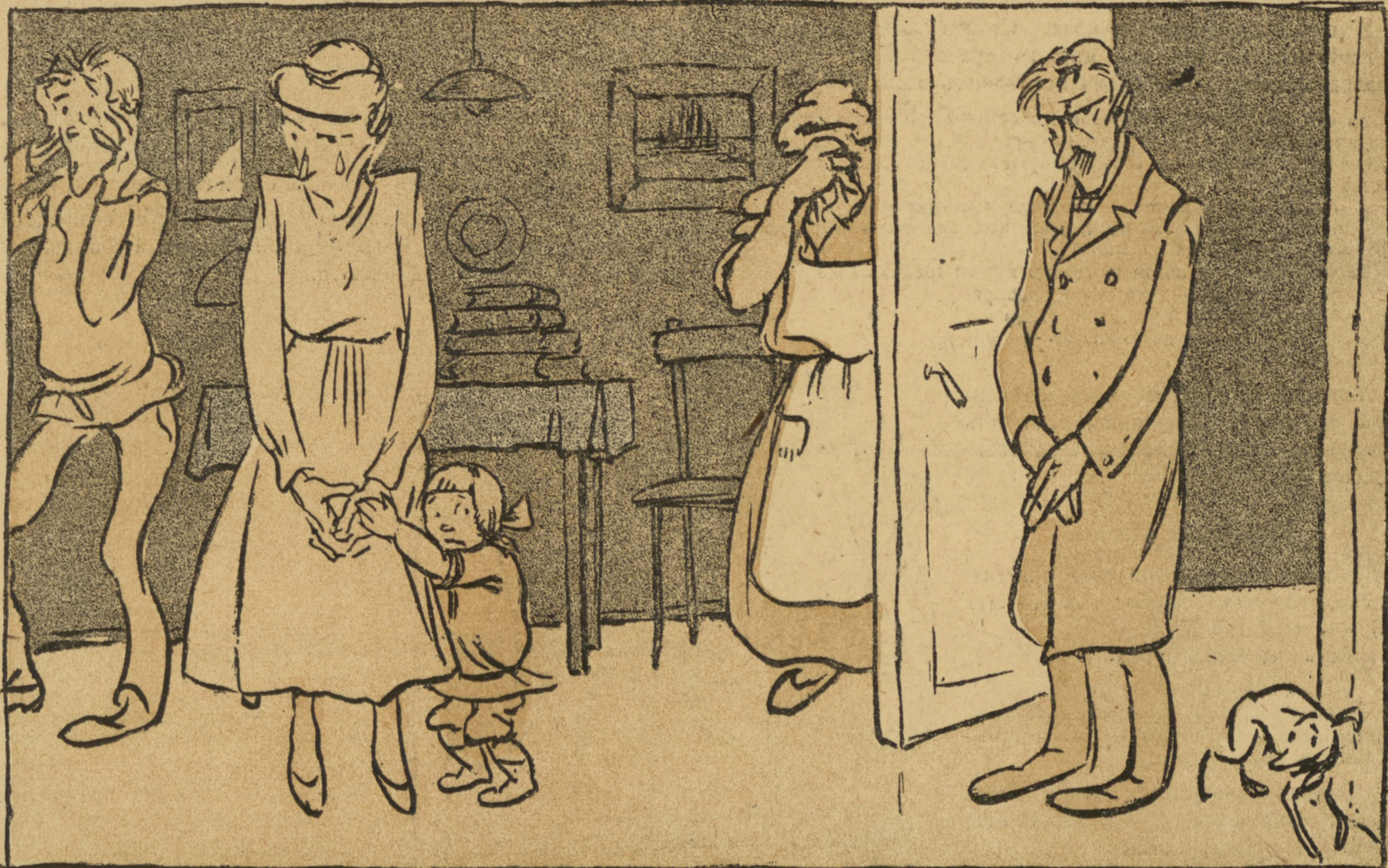
Эммануиль Германъ.

П Р Е Ж Д Е, Т Е П Е Р Ь.

Рис. Н. Радлова.

Прежде: — Что? Тебя назначили министромъ!? Какая радость... Петя можешь отойти въ уголь и погладить отъ умиля. Твой папа — министр...

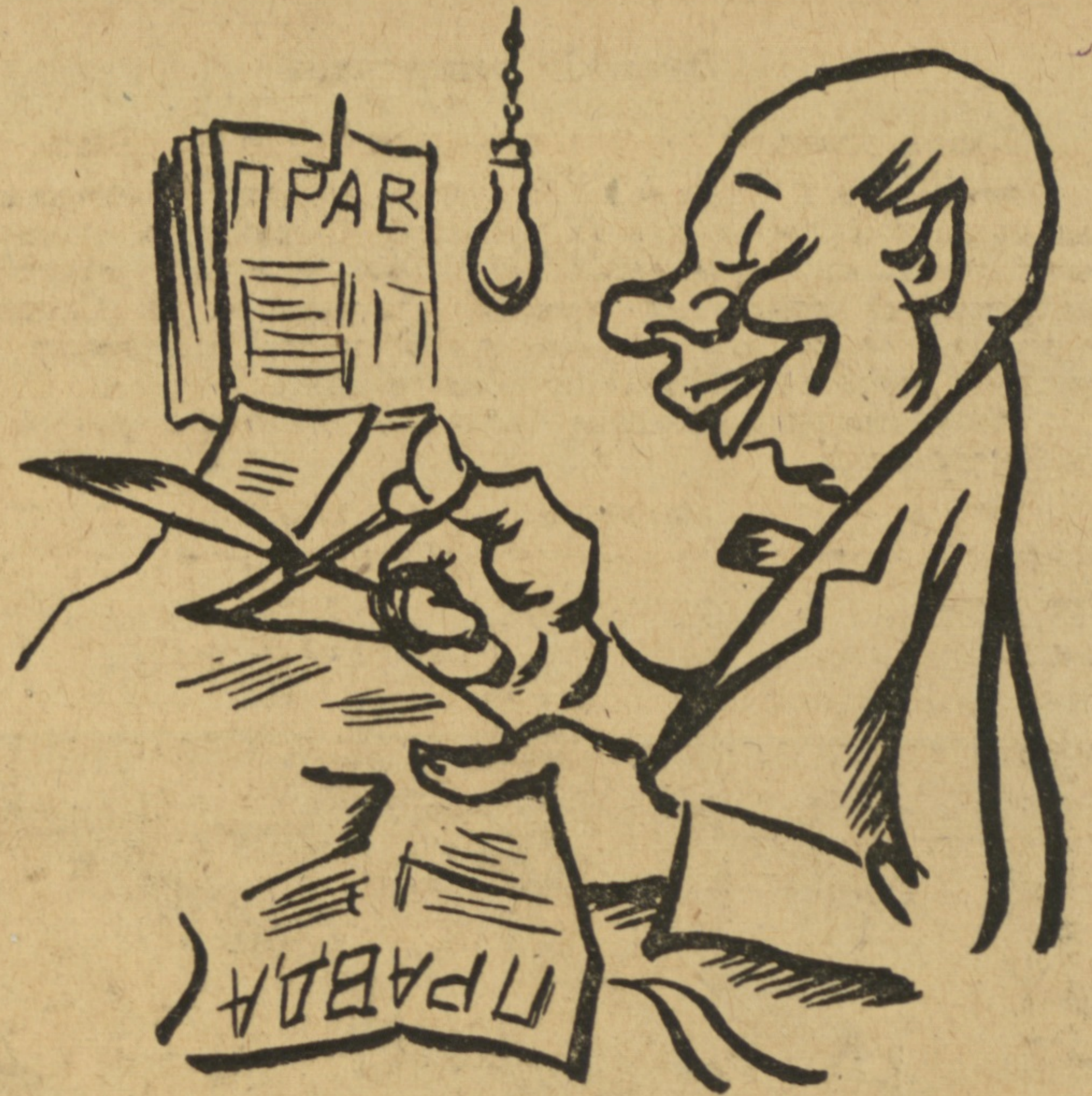

Теперь: — Достукался? Министромъ сдѣлали? Семьи не жалѣешь... Да не реви ты, Петька, все равно легче не будетъ...

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА.

Хлѣбъ соль ѣшь, а...

„Правду“ рѣжь.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Каникулярныя развлечения.

Обычно всѣ попытки улучшить дѣла у насъ начинаются и кончаются переосвидѣтельствомъ бѣлобилетниковъ. Сначала инициатива была въ рукахъ государства, потомъ это веселое дѣло перешло въ частныя руки.

Группа солдатъ въ Царицынѣ среди прочихъ очередныхъ дѣлъ

рѣшила произвести мобилизацію бѣлобилетниковъ. На улицахъ были расклеены объявленія, и 25-го мая много бѣлобилетниковъ явилось въ воинское присутствіе. Тамъ комиссія изъ солдатъ безъ врача переписала ихъ. Всѣ оказались годными. Когда дѣло дошло до отправки въ воинскія части, то никто не пожелалъ отправлять, и всѣмъ было предложено разойтись по домамъ.

Простоватому безхитростному бѣлобилетнику теперь нельзя на улицѣ показаться. Если не въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи, такъ въ мелочной лавочкѣ переосвидѣтствуютъ.

— Скушно чивой-то... не то кваску попить, не то бѣлобилетниковъ переосвидѣтствовать хотца...

„Голосъ мертвеца“.

У насъ публика придирчивая. Стоило только официально не извѣстить, что мертвые имѣютъ право голоса, какъ уже начались подвохи. Во время послѣднихъ выборовъ

въ одномъ участкѣ Васильевского острова произошло слѣдующее недоразумѣніе. При проверкѣ удостовѣреній оказалось, что лѣта въ удостовѣреніи никакъ не соотвѣтствуютъ лѣтамъ лица, подающаго удостовѣреніе.

— Вы за себя подаете? — спросили у избирателя.

— Нѣтъ, — нисколько не смутившись, заявляетъ послѣдній. — Я подаю за своего отца.

Разъясняютъ, что подавать голосъ можно только лично.

— Я это знаю, — отвѣчаетъ избиратель, — но дѣло въ томъ, что отецъ наканунѣ умеръ и потому лично никакъ явиться не можетъ.

Можно себѣ представить какой, скандалъ поднять покойникъ, если онъ октябристъ, а сынъ голосовалъ за большевиковъ...

Послѣдняя капля.

Апокалипсисъ давно уже предсказывалъ, что настанетъ время, когда братья пойдутъ на брата.

Такъ, на этихъ дняхъ

великій герцогъ Гессенскій распорядился удалить инициалы Николая Романова съ эполетъ лейбъ-драгунскаго полка его имени и замѣнить ихъ цифрами.

Зачѣмъ цифрами? Лучше ужъ словами какими-нибудь. А слова подходящія подобрать можно...

Рис. В. Лебедева.

Кровь заговорила.

Есть еще порохъ въ пороховницахъ, не гнется еще полицейская сила...

Слѣдовавшіе изъ Сибири на фронтъ 500 солдатъ эшелона, образованнаго изъ полицейскихъ чиновъ, жандармовъ и административныхъ уголовныхъ, избирали на станціи Самара дежурнаго офицера, обезоружили патруль и арестовали и заперли въ теплушкѣ 9 членовъ транспортной комиссіи совѣта военныхъ депутатовъ.

Благодаря вмѣшательству ротнаго комитета эшелона инцидентъ былъ улаженъ, однако, уѣзжая, эшелонъ грозилъ устроить на слѣдующихъ станціяхъ еще большіе безпорядки, о чемъ транспортная комиссія сообщила по линіи.

На такихъ вагонахъ надо писать прямо:

— Осторожиѣе. Полиція.

Защита кирпичомъ.

Когда бульварная печать начинаетъ защищать Россію, страшно только намъ, но когда она беретъ подъ свою высокую защиту Западную Европу — даже у самаго спокойнаго человѣка со свистомъ и шумомъ поднимутся дыбомъ волосы.

„Петр. Листокъ“ со словъ кого-то изъ англійскихъ гостей такъ отвѣчаетъ на вопросъ.

Демократическая-ли страна Англія?

На этотъ вопросъ можетъ быть одинъ безусловно-утвердительный отвѣтъ:

— У насъ, — говоритъ онъ, — король царствуетъ, но не управляетъ страной. Начальникъ англійскаго главнаго штаба — бывшій лакей, дядя премьеръ-министра — сапожникъ, а министръ юстиціи — еврей.

Послѣ такихъ статей, иностранные гости быстро блѣднѣютъ и робко совѣщаются между собой:

— Кажется, насъ начинаютъ защищать... Когда ближайшій поѣздъ?

Свои есть.

Изъ Англіи въ Россію срочно экспортируется суффражистка Панкхэрстъ, извѣстная какъ сокрушительница стеколь и непобѣдимый легковѣсъ въ схваткахъ съ министрами. Сюда она ѣдетъ для вдохновенія русской женщины. До ея свѣдѣнія доводимъ, что въ Рыбинскѣ женское населеніе вдохновлено уже въ достаточной мѣрѣ.

Тамъ недавно

толпа женщинъ-работницъ, недовольныхъ постановкой продовольственнаго дѣла въ городѣ, побила солдатъ и арестовала самосудомъ исп. обяз. городского головы Девяткина, бывшаго городского голову Расторгуева и увѣщавшаго толпу помощника начальника милиціи Ильина.

Искренно удивляемся, почему еще на свободѣ председа- тель ремесленной управы и городской пожарный обозъ? Заодно бы — чего тутъ думать-то.

Одесскій репертуаръ.

Громъ грянулъ, не изъ тучи, а изъ Одессы. Тамъ комиссаріатъ установилъ особую цензуру для сатирическихъ журналовъ до поступленія ихъ въ продажу. Сегодня, въ моментъ прибытія тюковъ съ петроградскими журналами на вокзалъ, явился комиссаръ, который подвергъ ихъ цензурѣ. Обнаруживъ въ „Сатириконѣ“, и др. сат. журналахъ рисунки, оскорбляющіе религіозныя чувства крестьянъ, цензоръ объявилъ журналы конфискованными.

Книгопродавцы, понесшіе громадныя убытки, отправили жалобу въ Петроградъ.

Что касается „Сатирикона“ — онъ вообще не ставилъ своей основной задачей развивать религіозное чувство въ одесскихъ крестьянахъ, и такое открытіе со стороны комиссаріата насъ очень удивляетъ. На слѣдующей недѣлѣ одесситы конфискують „Вѣстникъ Вр. Правительства“ за отсутствіе чувства юмора, а „Русское Богатство“ за невниманіе къ городской хроникѣ Симферополя. Можно въ разныхъ мѣстахъ получить политическое воспитаніе. Но самое плохое воспитаніе получается, очевидно, въ одесскихъ кафѣ.

Мѣстный рай.

Рекордъ настоящаго пониманія того, что нужно сейчасъ испуганному обывателю, побило правленіе какого-то курорта, которое рекламируется въ газетахъ такъ:

Теберда. Спокойнѣйшій курортъ въ Россіи, въ Кубан. обл., безъ малѣйшей политики. Растительное времяпрепровожденіе. Живое мясо гуляетъ въ горахъ кругомъ. Справ. и безпл. просп.: инж. В. Смирновъ, Ростовъ-на-Д., Никольская, 155.

Это ли не идеаль: безъ малѣйшей политики и живое мясо кругомъ гуляетъ... Что же касается растительнаго времяпрепровожденія, такъ безъ него обывателю зарѣзъ. Только на подножномъ корму и отходить.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 3-й. Чортова дюжина.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Отъ редакціи.

Въ виду запросовъ новыхъ подписчиковъ, контора редакціи извѣщаетъ, что подписка на „Нов. Сат.“ на 1917 г. принимается только на цѣлый годъ съ платой 11 р., со всѣми приложеніями, объявленными ранѣе. Новымъ подписчикамъ журналъ будетъ высланъ только съ 16 №.

Вышелъ № 1 журнала

„ЭШАФОТЪ“.

Органъ гамфлетовъ.

...Дико-необузданный взрывъ, вынужденный упорствомъ, ничего не пощадить; онъ за личныя лишенія отомститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія къ поколѣнію, и отъ народа къ народу. Капиталь, въ которомъ осѣдала личность и творчество разныхъ временъ, въ которомъ сама собой наслонилась лѣтопись людской жизни и скристаллизовалась исторія.

Разъ излившаяся сила истребленія уничтожитъ вмѣстѣ съ межевыми знаками и тѣ предѣлы силъ человѣческихъ, до которыхъ люди достигали во всѣхъ направленіяхъ съ начала цивилизаціи.

А. Герценъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ изданія.

5-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб. съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп. на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 64. Телефонъ 644-56.

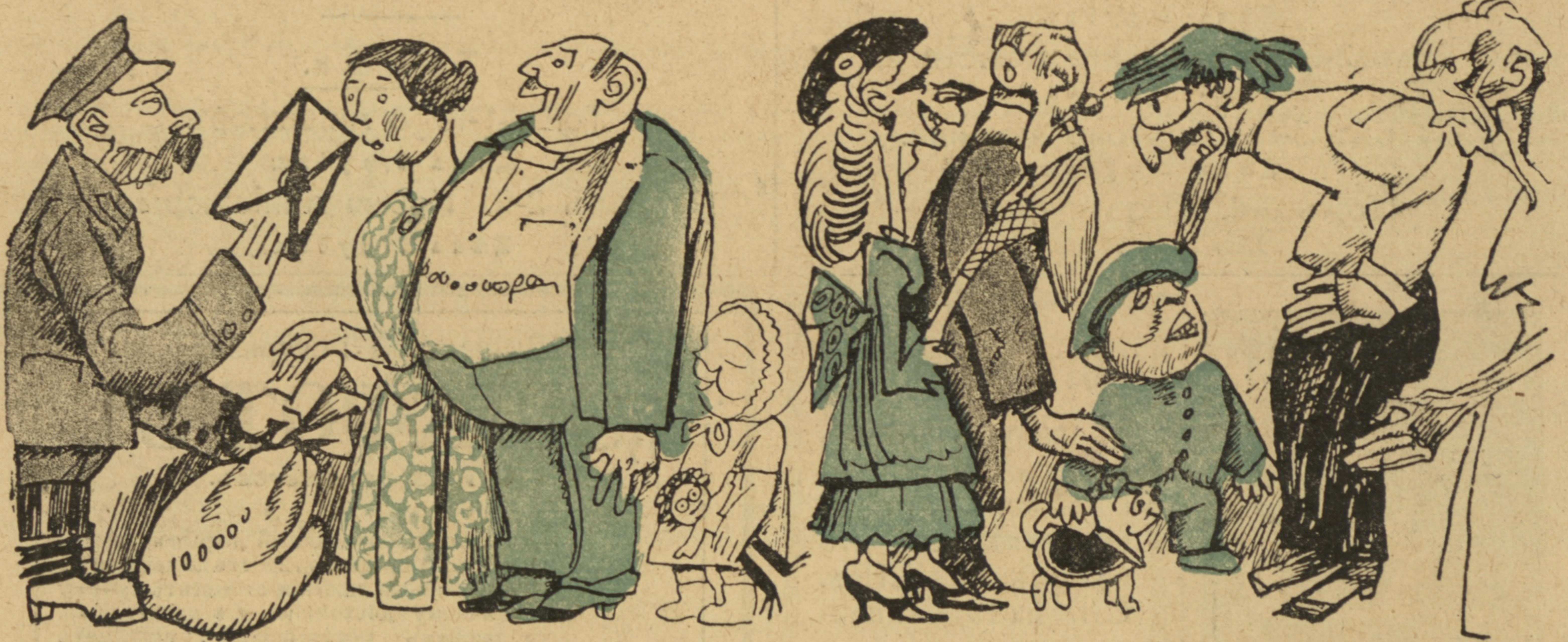
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА, ПОДПИСАВШАГОСЯ И НЕ ПОДПИСАВШАГОСЯ НА
„ЗАЕМЪ СВОБОДЫ“.

Рис. А. Радакова.

Въ семьѣ Сумягиныхъ приняли рѣшеніе подписаться на „Заемъ Свободы“. Это былъ моментъ глубокаго подъема. Плакали Сумягины отъ умиленія, плакала дочь ихъ, плакала собака ихъ и даже бабушка, которую давно похоронили, заплакала на городскомъ кладбищѣ.

Въ семьѣ интернаціоналиста Кинталева всѣ протестовали противъ займа: онъ самъ, жена его, сынъ его, собака его и даже случайно пришедшій кредиторъ забылъ о долгѣ и присоединился къ протесту.

У подписавшагося на заемъ умираетъ теща и оставляетъ ему огромное состояніе.

У неподписавшагося на заемъ теща проигрываетъ все состояніе въ карты и со своими партнерами приѣзжаетъ жить къ зятю.

И вотъ Сумягинъ умираетъ, окруженный общимъ почетомъ и уваженіемъ потомковъ. Даже собака его избрана почетной гражданкой въ союзъ собакъ мѣстнаго района.

И въ тяжелой нищетѣ, съ анархіей въ душѣ и параличемъ въ тѣлѣ умираетъ въ грязной лачугѣ интернаціоналистъ Кинталева, не подписавшійся на „Заемъ Свободы“... Такъ говоритъ исторія.